

*Кировское областное государственное автономное образовательное
учреждение дополнительного образования детей –
«Центр дополнительного образования одаренных школьников»*

ЛИТЕРАТУРА, 2013

ЗАДАНИЯ, РЕШЕНИЯ И МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ

**по проверке и оценке решений
II (муниципального) этапа
всероссийской олимпиады школьников
по литературе**

**Кировской области
в 2013/2014 учебном году**

**Киров
2013**

Печатается по решению методической комиссии задач II (муниципального) этапа всероссийской олимпиады школьников по литературе в Кировской области

Задания, решения и методические указания по проверке и оценке решений II (муниципального) этапа всероссийской олимпиады школьников по литературе Кировской области в 2013–2014 учебном году / Сост. И. В. Галкина, Т. В. Кошурникова // Под ред. А.С. Рыловой. – Киров: Изд-во ЦДООШ, 2013. – 32 с.

Авторы, составители и источники задач (заданий, вопросов и пр.):

Задания для 7-х классов – И. В. Галкина

Задания для 8–11-х классов – Т. В. Кошурникова

Подписано в печать 05.09.2013

Формат 60×84¹/₁₆ Бумага типографская. Усл. печ. л. 2,0

Техническая редакция К. А. Коханов

Тираж 1000 экз.

© Галкина И. В., Кошурникова Т. В., 2013

© Кировское областное автономное образовательное учреждение дополнительного образования детей – «Центр дополнительного образования одаренных школьников», Киров, 2013

ОРГКОМИТЕТУ И ЖЮРИ II (МУНИЦИПАЛЬНОГО) ЭТАПА ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

В муниципальном этапе олимпиады по литературе принимают участие среди обучающиеся 7–11-х классов образовательных организаций – победители и призеры школьного этапа Олимпиады текущего года..

Форма проведения муниципального этапа Олимпиады – письменная творческая работа. Муниципальный этап Олимпиады состоит из двух туров, на которые отводится астрономических часа (по 2 часа на каждый). Сначала школьникам выдаются задания I тура и через 2 часа – второго (в этот момент работы первого тура собираются). *Первый тур включает в себя комплексный анализ художественного текста.* Учащимся предлагается написать отзыв или рецензию на незнакомый или малознакомый текст русского писателя XIX-XX веков. Для решения основных задач Олимпиады при выборе художественных текстов предметно-методическая комиссия обращается не к произведениям, входящим в школьные программы и текстуально изучаемым на уроках, а к малознакомым произведениям известных авторов или к произведениям незаслуженно забытых потомками писателей. *Во втором туре для обучающихся 7-11 классов предлагается работа, включающая задания по теории, истории литературы и культуре, литературно-творческую работу (СМ).*

Напоминаем, что лингво-стилистический анализ не должен стать самоцелью и должен сопрягаться с рассмотрением литературоведческих проблем. Следует избегать формализма при подходе к тексту: окончательной целью должно стать толкование художественных функций того или иного лингвостилистического явления, возникновение ассоциаций, порождение интерпретаций, выход на определенные содержательные обобщения.

Система оценивания работ учащихся

Все олимпиадные задания выполняются письменно. Работы предварительно шифруются. Оценка выставляется в баллах. Работы пишутся в прозаической форме, грамотность не оценивается, но учитывается, объем работ не регламентируется. Если участник использовал черновик, то он сдает его вместе с работой. Черновик может быть учтен при оценке работы в пользу участника.

При оценивании олимпиадных работ муниципального этапа олимпиады методическая комиссия ориентируется на систему оценивания заключительного этапа Всероссийской олимпиады по литературе, выбирая критерии оценивания, соответствующие варианту задания (критерии приведены ниже).

Организационное обеспечение процедуры проведения муниципального этапа Олимпиады по литературе осуществляет оргкомитет.

Момент вскрытия пакетов с заданиями должен быть зафиксирован протоколом в присутствии представителей оргкомитета и жленов жюри. Наличие в аудитории дополнительного материала (текстов художественной литературы, словарей разных видов, учебно-методической литературы, **средств мобильной связи, компьютера** и тд.) исключается. В случае нарушения этих условий учащийся удаляется с олимпиады

Жюри муниципального этапа, согласно Положению об Олимпиаде, оценивает выполненные олимпиадные задания, проводит анализ выполненных работ, рассматривает совместно с оргкомитетом соответствующего этапа Олимпиады апелляции.

Желаем успеха!

ЗАДАНИЯ

7-й КЛАСС

1 ТУР

Комплексный анализ художественного текста

В. Н. Крупин

СБРОСЬ МЕШОК!

В девках я здоровая была, наравне с парнями мешки таскала. Тятя жалел, да ведь десять ртов в семье жалость заглушат.

И вот, никогда не забыть, грузили баржу картошкой. С обеда начали, к вечеру ноги подгибаются. Парни мне стараются мешки поменьше наваливать, а всё равно. Дождь шёл, промокла я, продрогла, всё прокляла.

К вечеру дождь перестал. Ташу мешок, а тятя (он тоже грузил) говорит: «Варя, посмотри-ка какая красота». Я отвечаю: «Тять, как же я посмотрю, меня мешок к земле пригибает, только под ногами и вижу». – «Сбрось, говорит, мешок, успеешь натаскаться, а такое не увидь – и не увидишь. Коня, говорит, какого в радугу запрягли». Что такое, думаю. Сбросила тяжесть, разогнулась. И ровно в глазах воссияло. Думала – пожар.

Вятка красная. Радуга во всё небо. А под радугой, как под дугой солнышко. Поглядела я – как будто умылась, дышать легче стало.

И вот, думаю, не обрати моё внимание отец на красоту, да раз, да другой, так слепой бы и прожила. А от него переняла и детям передала.

Помню, пошла с дочкой за земляникой. День хороший, солнце. В березняке я нашла маленькую полянку и обомлела. Зову дочку, чуть не шёпотом, ровно кого спугнуть боюсь. Полянка вся в землянике, красным-красна, и на ней роса играет.

Дочка на голос прибежала, увидела, хлоп на колени - и рвать. Подожди, говорю, не убегут ягоды, ты полюбуйся. Она встала рядом, смотрела-смотрела и говорит: «Жалко, мама, ягоды трогать. Давай просто так уйдём». Я засмеялась: «Милая ты моя! Ты красоту запомни, а пользу зачем упускать».

И вот чем закончу. У той дочки своя дочь. Гуляем мы втроём в парке, она дочери говорит: «Смотри, Машенька, какие цветы». На руки взяла: «Смотри, Машенька, какие облака».

1974

2 ТУР

Задания по теории, истории литературы и культуре; литературно-творческая работа

1. Определите жанр, автора и название произведения по приведенным ниже опорным словам.

- А) Зеркало, свеча, светлица, Светлана.
- Б) Отец Кондрат, Чуб, Касьян Свербыгуз, Солоха.
- В) Городовой Елдырин, генерал Жигалов, золотых дел мастер Хрюкин.
- Г) Муром, село Карачарово, Киев-град, Чернигов-град, речка Сморо-дина, Одишмантьев сын.
- Д) Лещик, потроха, стерляди кусочек, бедный Фока.

2. Напишите подлинное имя героя. Укажите название художественного произведения и его автора.

- А) Дефорж
- Б) Соперник купца Калашникова
- В) Два кавказских пленника
- Г) Герой по прозвищу Хамелеон
- Д) Горный мастер
- Е) Карлик Нос
- Ж) Барышня-крестьянка
- З) Человек-амфибия
- И) Человек на часах
- К) Бирюк

3. Найдите ошибки в определении литературоведческого термина «Басня». Приведите не менее 5 примеров известных вам басен.

Басня – жанр лирической прозы, в котором содержится открытое обличение действительности. Жанр возник в XIX веке и нашел отражение в творчестве М.Ю. Лермонтова и Ф.И. Тютчева.

4. Напишите небольшую творческую работу на тему: «Мой ровесник в произведениях русских писателей».

8-й КЛАСС

1 ТУР

Комплексный анализ художественного текста

А. С. Грин

ДИКАЯ МЕЛЬНИЦА

Я шел по местности мало знакомой и тяжелой во всех отношениях. Она была мрачна и темна, как опечаленный трубочист. Голые осенние деревья резали вечернее небо кривыми сучьями. Болотистая почва, полная дыр и кочек, вихляла, едва не ломая ноги. Открытое пространство, бороздимое ветром, купалось в мелком дожде. Смеркалось, и меня, с еще большей тоской, чем прежде, потянуло к жилью.

Я, одетый так, что на мало-мальски чистой улице поймал бы не один косяй взгляд и, наверное, жалостливые вздохи старушек, более сердобольных, чем догадливых насчет малой подачки, я, одетый скверно, страдал от холода и дождя. Моей пищей в тот день была чашка собачьей бурды, украденная подле забора. Издавна привыкший к отрадной синеве табачного дыма, я не курил два-три дня. Ноги болели, мне нездоровилось, и отношение к миру в эти часы скитания напоминало отчаяние, хотя я еще шел, еще дышал, еще осматривался вокруг, злобно ища приюта. И мне показалось, что невдалеке, из лощины, где протекала узкая речка, вьется дым.

Всмотревшись, я убедился сквозь густую завесу дождя, что там есть жилье. Это была мельница. Я подошел к ней и постучал в дверь, которую открыл старик, весьма мрачной и неприветливой внешности.

Я объяснил, что заблудился, что голоден и устал. – «Войдите! - сказал старик, – здесь для вас найдется угол и пища».

Он усадил меня за стол в маленькой, полутемной комнате и скрылся, скоро вернувшись с миской похлебки и куском хлеба. Пока я ел, старик смотрел на меня и вздыхал.

– Не хотите ли отдохнуть? – спросил он, когда я насытился, и в ответ на мое желание, выраженное громкой зевотой, провел меня наверх, в некую крошечную клетушку с малым окном. Убогая кровать манила меня, как драгоценный альков. Я бросился на нее и скрылся в забвении крепчайшего сна. Была ночь.

Ощутив, вероятно бессознательно, некоторое неудобство, я повернулся и пробудился. Когда я попробовал шевельнуть рукой - мне это не удалось. В страхе, внезапно обуявшем меня, я напряг члены, - веревки врезались в мое тело, – я был связан по рукам и ногам. Брезжил рассвет.

В томительном колебании его света я увидел старика; стоявшего в трех шагах от меня с длинным ножом в руке. Он сказал:

– Не кричи. Я связал тебя и убью. За что? За то, что природа так мрачна и ужасна вокруг моего жилища. Я живу здесь двадцать лет. Ты видел окрестности? Они повелительно зывают к убийству. В таких местах, как это, должны убивать. Небо черно, глуха и черна земля, свирепы и нелюдимы голые деревья. Я должен убить тебя...

Пока безумец говорил, ставя оправданием задуманного им жестокого дела внушение природы, медленно раскрылось небо, и солнце, редкое в этих местах, полилось золотом с ножа во все углы комнаты. Яркий свет ошеломил старика. Он зашатался и убежал. С трудом расшатав веревку, я кое-как освободился и выскочил в болото через окно.

Одинокая жизнь в мрачных местах развивает подозрительность, жестокость и кровожадность.

1915

2 ТУР

Задания по теории, истории литературы и культуре; литературно-творческая работа

1. Определите, из каких произведений взяты следующие отрывки (необходимо назвать автора и произведение).

А) Поехавши из Петербурга, я воображал себе, что дорога была наилучшая. Таковою её почитали все те, которые ездили по ней вслед государя. Такова она была действительно, но на малое время. Земля, насыпанная на дороге, сделав её гладкою в сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лета и сделала её непроходимую... Обеспокоен дурною дорогою, я, встав из кибитки, вошёл в почтовую избу, в намерении отдохнуть.

Б) Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видел, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирды сена, полузанесенные снегом; с другой – скривившаяся мельница, с лубочными крыльями, лениво опущенными.

В) Я спал дурно и на другое утро встал рано, привязал походную котомочку за спину и, объяснив своей хозяйке, чтобы она не ждала меня к ночи, отправился пешком в горы, вверх по течению реки, на которой лежит городок З.<...> Я не отдавал себе отчета в том, что во мне происходило; одно чувство было мне ясно: нежелание видеться с Гагиным. <...>. Кто их принуждал выдавать себя за родственников? <...> Настроение моих мыслей приходилось как раз под стать спокойной природе того края.

Г) Но нигде не было слышно отдалённого петушьего крика: ни в городе, ни в разорённых окрестностях не оставалось давно ни одного петуха. По небольшому бревну перебрались они через проток, за которым возносился противоположный берег, казавшийся выше бывшего у них назади и выступавший совершенным обрывом. Казалось, в этом месте был крепкий и надёжный сам собою пункт городской крепости.

2. С именами каких писателей и поэтов связаны литературные места России?

- А) Ясная Поляна;
- В) Нежин;
- Д) Михайловское.

- Б) Спасское-Лутовиново;
- Г) Тарханы;

3. Определите размер следующих лирических произведений.

А) В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

(А. С. Пушкин)

Б) Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят.
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.

(М. Ю. Лермонтов)

В) Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.
Дремлет взрытая дорога
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось...

(С. А. Есенин)

4. Напишите статью для словаря литературоведческих терминов: «Гипербола». Приведите примеры.

5. Напишите небольшую творческую работу на тему: «Моя любимая поэтическая строка».

9-й КЛАСС

1 ТУР

Комплексный анализ художественного текста

И.А. Бунин

ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ

С горы, по наглаженной, ухабистой дороге, спускался к реке студент Воронов. Возле моста, положив руки на костыль и глядя на реку, стоял какой-то маленький человечек.

Изумрудные льдины лежали вокруг темно-лиловой проруби. Голоса баб, полоскавших белье, звонко раздавались в морозном воздухе. Солнце скрывалось сзади, за горою, снежная долина вся была в тени, но оконца изб и кресты церкви на противоположной вороновской стороне еще горели лучистым золотом.

Глубокие январские снега, огромные снежные шапки на избах алели. Красновато чернел и сквозил возле церкви сад вороновского поместья, густо и свежо темнели сосны палисадника перед его домом. Дым из труб дома поднимался в чистое зеленое небо ровными фиолетовыми столбами.

Казалось, что стоявший возле моста любит.

Мимо него, со скрипом, раскатывались, неслись розвальни: шибко возвращался обоз порожняком. И он благоразумно отошел к сторонке.

– Держись, срежу! – крикнул один из обозчиков, сани которого раскатились особенно лихо.

Стоявший обернулся, что-то крикнул в ответ... И, махнул рукой, закашлялся.

Студент сбежал к мосту, – он все кашлял. По вытянутой шее и склоненной голове, по тому, как он отставил костыль, опершись на него обеими руками, видно было, что кашель затяжной, мучительный. Но, должно быть, притворный: верно, что был дурачок, бродяга по святым местам, и, верно, он заметил барина.

Студент поравнялся с ним, заглянул ему в лицо, под самодельную шапку с наушниками и назатыльником, мехом внутрь. Тогда он смолк, низко поклонился и, отдуваясь, медленно побрел по мосту, с визгом вонзая в морозный снег железный наконечник костыля. Худые ноги в больших лаптях еле волочились...

Нет, не дурачок. Просто нищий и больной.

Необычна была только аккуратность, с которой лежали мешки за его спиной. Необычен и зипунишка, старый, но тщательно заплатанный. И уже совсем необычно было лицо – лицо подростка лет под сорок: бледное и изможденное, простое и печальное. Черные глазки глядели со странным спокойствием. Печальные губы среди реденьких усов и бороды полуоткрывались. Прядь длинных волос, по-женски ложившаяся на маленькое восковое ухо под наушником, была суха и мертва. Тело – щуплое, тощее, с болезненно приподнятыми плечами.

– Застыл, старик? – крикнул студент с деланной бодростью.

Нищий приостановился и тяжело перевел дыхание, раскрывая рот, поднимая грудь и плечи.

– Нет, – ответил он неожиданно просто и даже как будто весело. – Застыть не застыл...

И опять собрался с духом и прибавил еще бодрее, таким тоном, точно все обстояло вполне благополучно, кроме того, с чем уж ничего не поделаешь:

– Застыть не застыл. А вот здоровье... Он приподнял грудь:

– А вот здоровье все хужеет! И легонько двинулся вперед.

Студент осмотрел его лапти, онучи: ноги тонки и слабы, онучи тонки и стары, лапти разбиты, велики... И как это он ухитряется ходить по такому морозу?

– Уж очень у тебя, дядя, обужа-одежа плоха! – сказал студент.

– Обужа, верно, плоха, – согласился нищий. – А вот одежда... Нет, одежда ничего. У меня под ней кофта ватная.

– Все-таки студишься небось без валенок-то?

– Студишься... Бока колет... Закашляешься – прямо смерть.

Говорить на ходу было трудно. И студент остановился. Остановился и нищий и поспешил положить дрожавшие руки на костыль.

– Дальний?

– Дальний... Из-под Ливен.

– Давно удушье-то?

– Удушье-то? Давно...

– Селитру не жег? Очень помогает.

– Нет. Перец... пил. Студент покачал головой.

– Глупо, – сказал он. – Я вот на доктора учусь, доктором, значит, буду... Понимаешь?

– Дело хорошее... Как не понимать...

– Ну, так и послушайся меня: перец не пей, а купи селитры. И стоит-то всего две копейки. Разведи, намочи бумагу, высуши и жги. Подышишь – полегчает.

И опять согласился нищий, не придав, видимо, ни малейшего значения селитре:

– Это можно. Деньги не велики.

– А ночевать-то где ноне будешь?

– Ночевать-то? Ночевать везде можно... В Знаменском ночую...

– Как в Знаменском? – сказал студент. – Но ведь ты туда к свету со своей ходьбой придешь!

– Мне спешить некуда, – ответил нищий и так просто, что студент слегка смешался. Помолчал и спросил:

– Побор в мешках-то?

– Ну, побор! Добришко... Рубахи, портки. Порток у меня много... Трое...

За мостом дорога раздваивалась: одна шла круто в гору, к вороновскому поместью, другая, отлогая, наискось к церкви.

– Слушай, – сказал студент, – пойдем к нам. Я бы тебе деньжонок дал...

Солнце закатывалось. Нищий посмотрел на гору, на черную, густую зелень елок в вороновском палисаднике, на мертвеющие сизые крыши усадьбы, на малахитовые снега выгона... И не спеша ответил:

– Беден только бес, на нем креста нет. А мне они почесть без надобности. А коли хочется, дай.

– Ну вот, и пойдем.

– А пойтить... не пойду. Ночую в Знаменском, ежели... дойду...

И, склонив голову, отдуваясь, полегоньку, нищий упорно побрел по дороге к церкви.

Студент забежал домой, захватил кошелек и догнал его на выезде в поле. Оттуда, с севера, дуло острым ветром, клейко схватывавшим усы и ресницы. Темнела и вся двигалась мутно-фиолетовая снежная равнина, отлого поднимавшаяся к высокому ветряку на горизонте. Свет заката еще брезжил на ее крестом простертых крыльях. А темнеющее поле все курилось и курчавилось, бежало быстрой дымящейся зыбью поземки.

– Ну-ка вот тебе полтинничек, – слегка задохнувшись, сказал студент, когда на скрип его шагов нищий обернулся и остановился. – Да скажи, как понимать тебя, – прибавил он шутливо.

Нищий усмехнулся.

– А мне теперь ничего, полегчало, – ответил он бодро, хотя лицо его посинело и сморщилось, а на глазах от ветра выступили слезы.

Сняв большую варежку, он неловко взял ледяными пальцами монету и задумчиво посмотрел на нее. Студент ждал великой радости, но поблагодарил нищий довольно спокойно:

– Вот за это спасибо... А поминать меня, бог даст, не придется... Дойду.

– Seriously, как звать-то тебя и что ты за чудак такой? – спросил студент.

– Звать-то? Звали Лукой... А уж чем чуден я – не знаю.

– Да ведь замерзнешь!

– И замерзнешь, не откажешься. Смерть, брат, она как солнце, глазами на нее не глянешь. А найдет – везде. Да и помирать-то не десять раз, а всего один.

– В рай, значит, спешишь попасть? – сказал студент, трогая ухо и поворачиваясь от ветра.

– Зачем в рай? Это еще дело темное – не то есть он, рай-то, не то нет. А мне и тут не плохо.

Ветер все сильнее дул в спину, в голову, леденил затылок, делал легкими ноги. Студент с удивлением взглянул в лицо нищего:

– Это тебе-то не плохо?

Нищий гоже взглянул ему в глаза.

– А что ж мне? – спросил он. – Беден только бес, на нем креста нет. А я живу себе.

– Живешь, как птицы небесные?

– А что ж птицы небесные? Птицы-звери всякие, они, брат, о раях не думают, замерзнуть не боятся.

– А ты что? Философ? Атеист?

– Не понимаю я этих слов.

– Знаю, что не понимаешь. Я хотел спросить: в бога-то ты веришь?

Нищий подумал.

– В бога нет того создания, чтоб не верило, – твердо сказал он.

Студент взглянул на него с еще большим удивлением. Но стоять было так холодно, что он поколебался, поколебался и решительно выговорил:

– Ну с богом!

– Стало быть, прощайте, – отозвался нищий и тряхнул своей круглой шапкой. – Спаси Христос...

И, подумав, надел варежку и повернулся. Маленький, сгорбленный, с высоким костылем, он скоро стал еще меньше, по пояс утонул в сумерках и волнистой снежной зыби, густо бежавшей на него от мельницы...

Вечером студент долго ходил из угла в угол по залу. Прислуга спала. На столе горела лампа, в углу, перед иконой – лампадка: когда барыни не было дома, нянька всегда зажигала ее, – чтобы бог дал благополучную дорогу. И теперь студент с тревогой посматривал на часы, – был уже девятый, а матери все не было.

– Дикарь! – говорил он иногда вслух, вспоминая нищего.

Ночью он спал мало. С вечера читал Юнга и часов в десять, в валенках и башлыке, вышел взглянуть на восход Близнецов. И на пороге сеней оторопел: показалось, что свету божьего не видно, – так гулко шумел сад от морозной бури, так бешено несла поземка. Но сад четко чернел над ее непрерывно несущимися вихрями, и звезды огнем горели па черном чистом небе. Утопая в снегу, нагибая голову от жгучей, захватывающей дух пыли, студент одолел гудящую аллею и глянул в поле: темь, смутно волнующееся белесое море – и над ним, как два страшных, то исчезающих, то появляющихся алмазно-голубых глаза, две яркие, широко расставленные звезды...

Второй раз студент добрался до садового вала в двенадцатом часу. Стало еще морознее и страшнее. Все спит мертвым сном, нигде ни огонька, сад ревет властно и дико. Небо еще чище, чернее, звезды еще пламеннее. А над белым

морем метели – два других, еще шире раскинутых, кровавых глаза; Арктур и Марс. Остро блещут зерна Волопаса, веером рассыпанные па горизонте за мельницей. Близнецы, сдвинувшись, горят почти над головой...

«Замерзнет, черт!» – с сердцем подумал студент про нищего.

И всю ночь тревожно и однообразно стучали в темный дом, заносимый снегом, плохо прикрытые ставни. До костей промерзнув на ветру, студент заснул крепко, но потом стал сквозь сон томиться этим стуком. Он очнулся, зажег свечу, оделся... Ставни уже не стучали. И, выйдя на крыльцо, он услышал отдаленную сонно-певучую переключку петухов и замер от восхищения. Свежо и остро пахло тем особенным воздухом, что бывает после вьюги с севера. Тихая, звонкая ночь, вся золотистая от полумесяца, низко стоявшего над горой, за долиной, мешалась с тонким светом зари, чуть алевшей на востоке. Треугольником дрожащего расплавленного золота висела там Венера. Марс и Арктур искрились высоко на западе. И все звезды, мелкие и крупные, так отделялись от бездонного неба, так были ярки и чисты, что золотые и хрустальные нити текли от них чуть не до самых снегов, отражавших их блеск. Горели огни по избам на селе, петухи как бы убаюкивали нежно-усталый, склоняющийся полумесяц. И с звонким скрипом, с визгом въезжала в ворота знакомая тройка вся серо-курчавая от инея, с белыми пушистыми ресницами...

Когда студент подбежал к саням, мать и кучер в один голос крикнули ему, что на знаменской дороге лежит в снегу мертвое тело.

1909

2 ТУР

Задания по теории, истории литературы и культуре; литературно-творческая работа

1. Определите, из каких произведений взяты следующие отрывки (необходимо назвать автора и произведение).

А) Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный календарь, ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он ее без особенного участия, и чтение это производило в нем всегда удивительное волнение желчи.

Б) Крепко грянул среди этого гама выстрел – и всё «заварилось» и покатилось куда-то вдаль.

– Береги-и! – завопил кто-то отчаянным голосом на весь лес.

– А, береги! – мелькает в голове опьяняющая мысль. Гикнешь на лошадь и, как сорвавшийся с цепи, помчишься по лесу, уже ничего не разбирая по пути. Только деревья мелькают перед глазами да лепит в лицо грязью из-под копыт лошади. <...> Тогда весь, весь мокрый и дрожащий от напряжения, осадешь вспененную, хрипящую лошадь и жадно глотаешь ледяную сырость лесной долины. Вдали замирают крики охотников и лай собак, а вокруг тебя – мертвая тишина.

В) Я ехал с охоты вечером один, на беговых дрожках. До дому ещё было верст восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бежала по пыльной дороге, изредка похрапывая и шевеля холодные тени, когда я решился наконец вернуться к себе ушами, усталая собака, словно привязанная, ни на шаг не отставала от задних колес. Гроза надвигалась.

Г) Бабушка получила ужасную весть только с нашим приездом, и горесть ее была необыкновенна. Нас не пускали к ней, потому что она целую неделю была в беспамятстве, доктора боялись за ее жизнь, тем более что она не только не хотела принимать никакого лекарства, но ни с кем не говорила, не спала и не принимала никакой пищи. < ...> Это было первое сильное горе, которое поразило ее, и это горе привело ее в отчаяние.

2. Соотнесите фамилии русских писателей и род их деятельности, не связанной литературным творчеством.

И. А. Крылов	губернатор
А. С. Грибоедов	библиотекарь
Г. А. Державин	цензор
В. А. Жуковский	педагог
П. А. Вяземский	дипломат

3. Дайте историко-литературный комментарий следующему стихотворению.

Д. П. Ознобишин

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН

Он здесь! Он вечно ваш! Изображенье Клии
Отныне передаст в позднейши времена
Дар Царя, и дань признательной России
К трудам карамзина.

Как древле Геродот средь шумных игр Эллады
Рассказом сладостным народы увлекал,
И юный Фукидид, вперед на старца взгляды,
Рыдал и трепетал:

Так русский юноша. Теперь идущий мимо,
Взглянув на этот лик. Сияющий в меди.
Любовь к отечеству, сей огонь неугасимый.
Восчувствует в груди.

В ней вдруг пробудится неведомая сила
Высоких подвигов, чей втайне мысль кипит,
И. как птенец орла. Свои расширив крыла,
Он к солнцу взлетит!

А ты. на чьих берегах замолкнул звук булата,
Два царства падшие омывшая волной,
Ты, мирно льющая обилие и злато,
Ликуй: он пестун твой!

Да, Волга, он твой сын! Когда иноплеменный
Нас спросит: «Это кто?» Мы гордо скажем: «Тот,
Кому приветливо внимал благословенный
Средь царственных забот!

Кто время Грозного, бесстрашный и свободный,
Деянья темные потомству передал;
Впервые нам раскрыл язык простонародный;
Русь – миру указал.

Кто щедро взысканный, мечтал и дней в закате
О славе Родины, когда язык немел!
Над кем монарх скорбел, и в сделанной утрате
С Россией сиротел».

23 августа 1845 года

4. Напишите литературоведческую статью для справочного интернет-ресурса (например, Википедии). Помимо текста, предложите варианты необходимого визуального сопровождения.

Художественный образ.

10-й КЛАСС

1 ТУР

Комплексный анализ художественного текста

К. Д. Воробьев

УХА БЕЗ СОЛИ

Мы приезжаем сюда, на это свое потайное место, каждый год седьмого августа, часам к пяти пополудни, в любую погоду. Табор мы разбиваем в подлеске возле трех окостеневших дубовых пней, метрах в двадцати от озера. В нем мы до сумерек удим рыбу, а потом варим уху - хоть из двух ершей. В полночь мы обмениваемся взаимными подарками - по большому листу сахарной ботвы и по одной брюкве, величиной с кулак. Ботву и брюкву мы съедаем сразу и молча, потом принимаемся за уху и выпивку, а в два часа ночи начинаем петь песни.

Так мы с конца войны отмечаем день своего рождения, и то место, где мы разводим огонь, не зарастает никакой травой, глубоко, значит, прокалилась земля.

В этот последний наш выезд выдалась смиренная серая погода с притушенным мглистым солнцем. Мы поймали девять окуней, но один оказался с кованым шведским крючком в верхней губе, - попался уже раз, и его пришлось отпустить. Вечер подкрался рано и незаметно - тоже тихий, согласно-покорный какой-то, как ручной теленок. Над лесом за озером вставал большой тусклый месяц, и над землей реяла та засушливая жемчужная мгла исхода лета, что навеивает человеку покойную цепенящую грусть. В этом настроении непостижимо споро ладится любая работа, - это оттого, видно, что рукам тогда не сообщается усилий, а уму конечная цель дела. Я легко и почти бесшумно срубил и расколол засветло еще облюбованную сухую ольшину, почистил картошку, рыбу, лук, а напарник мой все тер и тер озерным песком казан под уху - старинный медный котел с каким-то таинственным клеймом: там был изображен волк верхом на человеке. Котел увесист и гулок, как колокол, и уха в нем не остывает часами. Он хорош своей уютной круглостью и каким-то прочным и давним благополучием. К нему очень идет подовая коврига ржаного хлеба, - тогда любая зримая и предполагаемая беда кажется неугрозной и одолимой. Впрочем, все, что принадлежит моему другу, - его вот старенькая неказистая «Победа», самодельная брезентовая накидка для нее с круглыми марлевыми окнами, ухватная ясеновая ручка топора, которым я срубил ольшину, лещиновая удочка, отполированная до бубличного глянца, - все это выглядит долговечным, ладным и сноровистым, обещающим верность крепкой и охотной службы жизни, и все это каким-то странным образом похоже на своего хозяина. Я знаю это давно и наверное, потому что все, принадлежащее лично мне, подвержено прихоти различных капризов, поломок и стопорений, потому что мои вещи тоже похожи на меня самого...

Из озера ко мне на берег друг понес котел как дароносицу - осторожно и торжественно, стараясь не расплескать воду.

— Принимай, брат летчик!

Это говорится раз навсегда выверенным тоном, четко, серьезно и сострадательно. Я никогда не был летчиком, но мне не приходится обижаться: двадцать пять лет тому назад я на самом деле назвался ему летчиком-истребителем, сбитым под Вязьмой, в бою с пятью «мессерами». Не с одним и не с тремя, а с пятью, из которых двух я уничтожил будто бы с ходу. То был не к месту вздорный, даже там, в лагере военнопленных, не иссякший во мне запал мальчишеского тщеславного вранья и бахвальства, за которым дрожал и бился простодушный расчет на внимание и помощь сильного, несловоохотливого пленного солдата Дениса Неверова. Потом, позже, выяснилось, что никакой я не истребитель, но с тех пор Денис Иванович называет меня летчиком - наедине, по ночам, в день нашего рождения. Я, в свою очередь, величаю его тогда «Диванович», вместо «Иванович»: в каком-то местечке

на Брянщине он – уже будучи партизанским разведчиком – пробыл около двух часов в топчане, на котором в это время полусидел-полулежал немец, неурочно навесивший нашу связную-«гестаповку».

Это «летчик» и «Диванович» да еще вот ботва и брюква – предел в наших поминаниях прошлого. Оно не то что свято или проклято, но просто непосильно теперь нам. И даже невероятно. Столько там изжитых стыдных унижений! Может, поэтому наши взаимоотношения в такие ночи грешат какой-то старомодной церемонностью и взаимопочтительностью: мы лишний раз говорим друг другу «будь добр», «спасибо», «пожалуйста» и «благодарю», и движения наши спокойны и медлительны, и беседы отвлеченны и немного сентиментальны.

Я подвесил на рогатку котел и одной спичкой, это тоже входило в обряд нашего праздника, – разжег под ним дрова. Денис Иванович сел напротив меня и с какой-то элегической расслабленностью произнес благодарную хвалу Творцу, создавшему землю, небо, озеро и окуней.

– Хорошо, что человек не властен над этим, – сказал он и повел рукой по ночи. – Испортил бы, стремясь улучшить.

Он не сказал подходящего в этом случае «испаскудил» или «испоганил», в такие ночи мы сознательно избегаем грубых слов, и я молчаливым кивком подтвердил свое согласие с ним и попросил, чтобы он был любезен и достал из машины соль.

– Чего? Со-оль? – с тихо нарастающей к миру враждебностью не сразу переспросил он.

– Совершенно верно. Соль. Для ухи, – подтвердил я, поняв его, и тогда Денис Иванович длинно и непуतेво выругался в стужу, в бурю и в свой склероз.

– Ты тоже, понимаешь, хорош: пришел с портфельчиком, уселся, как какой-нибудь директор пивзавода, и поехал. Не мог, понимаешь, поинтересоваться на месте! Гусь лапчатый!

Я посоветовал ему выражаться утонченней, но он сказал, чтобы я не придуривался и думал лучше, как добыть соль. Тогда я поинтересовался, постигает ли он теперь главную причину моральной неполноценности китайских хунвейбинов, но Денис Иванович сделал вид, что не понял меня, и поднялся от костра. В призрачной белесой мгле, под знойный стрекот кузнечиков и сухой подиравший вскрик коростелей, зрела ночь. Котел вздрагивал и даже тихонько погудывал, и от него исходил полынно чистый дух лаврового листа.

– Ну что будем делать, а?

Голос Дениса Ивановича звучал нетерпением и досадой. У нас было два выхода – остаться без ухи или завести машину, выбраться на шоссе и там на пятнадцатом километре отсюда, в домике дорожного мастера, разжиться солью. На этом мы и порешили, и я поодиночке, рыльцами вниз, опустил в бурную благодать котла окуней и сотворил в душе хвалу Творцу за все мне посланное в жизни.

Вот под это все он и вступил в белый круг нашего костра, неслышно вступил, неожиданно, и оттого, как мгновенно пересохло у меня горло и как пригнулся и шагнул прочь Денис Иванович, я понял, что нам с ним никогда не избежать страха погони и застигнутости! Нет, узнали мы этого шатуна позже, минут двадцать спустя, и не лично его мы испугались, а вообще человека в ночи. На нем были до окоженелости заношенные солдатские брюки и китель, большая, от ветхости оранжевая железнодорожная фуражка и растоптанные кирзовые сапоги. В руках, на манер ружья, он держал удочки, а за спиной у него, налезая узлом на затылок, громоздился парусиновый мешок от надувной лодки. Наверно, он порядком устал, потому что сразу же освободился от лямок мешка, а затем уже поздоровался с нами и спросил, клюет ли.

– Да мы вот с другом словили на ушишку, – сдержанно сказал Денис Иванович и упомянул соль и свой склероз. Откровенно говоря, мне не хотелось, чтобы у незнакомца оказалась соль и чтобы он вообще задерживался тут, у костра, – тогда разорялась наша ночь, но соль таки у него нашлась. Он сказал, что рыбак рыбака «должен выручать с пониманием», и каким-то спутанно-слепым и как бы бесцельным торканьем рук, будто их било непрерывным тиком, стал развязывать мешок.

С этого – бесцельного на первый взгляд метанья его рук и началось мое узнавание ночного гостя.

Он по-прежнему – если это был он! – выглядел сухим и рослым, но время тронуло его голос, – он осел и притух, сгладило и увеличило лоб, изменило нос, – он у него разбрык и покраснел, – подбило линькой глаза и высекло морщины по краям прежнего щелистого рта. Да, это был он, кого мы никак не должны были тут встретить, но мне хотелось, чтобы я ошибся и чтобы Денис Иванович как-нибудь подтвердил эту мою ошибку без моего намека.

Человек тем временем достал из недр своего мешка маленькую, на карман, холстинковую сумочку, туго наполненную и аккуратно завязанную шнурком от ботинка. В такую тару влезает примерно граненая стопка соли. Не больше. Между прочим, в войну не было пленного солдата, чтобы он, готовясь к побегу, не таил за гашником такую вот сумочку с щепоткой в ней «бузы», добытой Бог знает как и где. Теперь трудно сказать, почему мы считали соль совершенно необходимым достоянием на воле, но это было так. Более того сумочка с солью являлась как бы залогом благополучного побега. Лагерные полицейские хорошо знали, для чего пленный «шакалит» соль, и дважды в неделю подвергали нас подноготному обыску, и когда находили сумочку, завязанную обычно тесемкой от обмотки или шнурком от ботинка, то...

– Хватит? Или добавить?

Пришелец протягивал мне соль на ладони, минуя костер, но у меня прочно были заняты руки, – левой я придерживал рогатину, а правой зажимал ложку и помешивал ею в котле. Я помешивал, глядя на огонь, и ждал, как поступит Денис Иванович, отвергнет он соль или примет, и как в этом случае быть с моей догадкой. В это время как нарочно выдалась длинная минута тишины, даже кузнечики примолкли, и только звонисто гудел котел, и у меня появилась боль напряжения в затылке – это ведь одно и то же: дает человек или просит, его нельзя оставлять с протянутой рукой. Возможно, что я в конце концов подставил бы ложку под эту чужую руку, если б Денис Иванович чуть-чуть помешкал, но из нас двоих он первый не выдержал и принял соль. Тогда мы и обменялись с ним взглядами, и никакой разговор о госте – ни длинный, ни короткий – нам уже был не нужен. Тот копался в своем мешке, упрятывал на прежнее место сумочку, когда Денис Иванович проговорил каким-то клеклым голосом:

– А ведь мы тебя, пожалуй, знаем!

Гость поднял голову и, щурясь через костер, отчего казалось, что глаза у него смеются, оглядел нас вскользь и без интереса.

– Знаем ведь, летчик?

Это опять сказал Денис Иванович, обратиться ко мне, и тогда опознанный нами человек засмеялся на самом деле – коротко и квохчуще, будто охал.

– Где ты служил летом сорок второго года?

Мне, пожалуй, не следовало сбиваться на крик, но так уж вышло. Зато он тоже спросил нас прежним, тем, визгливо осатаневшим голосом:

– А вы сами тогда где были? В вяземском лагере, выходит, отсиживались, да? Шкуры берегли, а потом мученья себе выдумывали, чтоб оправдаться?!

– Слыхал? – пораженно сказал мне Денис Иванович, – Ты понимаешь, чьи слова он повторяет, свол... сволочь?

Он рассевным взмахом кинул соль в костер и вдруг по-ребячьи обиженно всхлипнул и уткнулся лицом в колени. Это было некстати, ненужно, а главное, невероятно: Денис Неверов всегда казался мне человеком-кремнем, и, может, только за это за его надежный, выносливый и какой-то себе-на-умешный вид ему больше других выпадало в лагере плетей и палок. В тот наш последний лагерный день – седьмого августа сорок второго года – ему спутанно-слепым и как бы безадресным взмахом арапника с мудреным свинцовым нахвостником полицай рассек лицо. Я к тому времени уже ходил бок о бок с ним потому, что был летчиком, сбившим двух «мессеров», а таких он ценил. По этому праву я попытался тогда утешить его, но он засмеялся и сказал, что пехота – не авиация, она, мол, выдюжит, – намекал на мою жидковатость: временами я не выдерживал и ревел. При нем. В тот день – седьмого августа – мы работали километрах в пяти от Вязьмы, где стояли немецкие зенитные батареи. В полдень над ними появился наш «ястребок» – невысоко, беззащитно и нам нужно. Немцы сбили его быстро, и когда он закувыркался вниз, Денис Иванович похоронно сказал мне:

– Вот. Еще один твой приятель...

– Ему, идиоту, надо было ложиться в пике или делать бочку! – сказал я. Он посмотрел тогда на меня с надеждой, и я поверил, что могу быть сильным.

Вечером мы бежали. А в полночь Денис Иванович разрешил мне на первый раз съесть лист сахарной ботвы и одну брюкву. Сам он съел две брюквы, потому что полагался на свою выносливость...

Теперь, спустя четверть века, он сидел у своего праздничного полевого стола и плакал. При мне. И при нем – бывшем полицае. Его, посланного нам сюда недоброй прихотью черта, отделял от меня метр земли, прокаленной нашими торжественными кострами, котел со странным клеймом, несколько ольховых чурок и ладный, ухватный топор. Мне ничего не мешает признаться в своей тогдашней летучей мысли об аморальности для людей любого неотмщенного преступления, и он, бывший полицай, каким-то сверхсознательным чувством догадался об этой моей мысли, потому что вскочил на колени и крикнул, косясь на топор отрешенно и помешанно:

– За вас с меня уже взяли! Слышите? И по закону не положено наказывать два раза за одно и то же, слышите?!

Он все тем же тиковым движением руки сшиб со своей головы фуражку, и на его гладком голом темени я увидел при бликах костра крупные бисеринки пота. Мне невольно подумалось: как здорово он полинял! Там, в Вязьме, он ходил в форме советского командира-танкиста, с выпиленной звездой в пряжке ремня. С левого плеча у него, как аксельбант, свисал крупный ременный арапник с мудреным свинцовым нахвостником. Им он...

– Ты же убивал, а сам вот жив!.. – почему-то шепотом, горько и потерянно сказал Денис Иванович, а тот все стоял на коленях, и отсветы костра метались по его лицу, отчего казалось, что оно искажается диковатыми гримасами, и хотелось, чтобы он сел или встал и накрылся своей нелепой фуражкой.

– Сколько людей там... А ты вот жив! – опять проговорил Денис Иванович и зачем-то потрогал свои колени, бока и грудь, словно отыскивал самого себя. Было трудно молчать и ждать, пока гость оправлял на себе лямки мешка, насаживал на голову фуражку и поворачивался к нам спиной. За пределами желтого ока костра он не то споткнулся, не то остановился по воле и глухо, вполголоса, как сообщникам по ночной краже, сказал нам:

– Не один я убивал и не один живу. Небось за свои лагеря тоже мало кто ответил!

– Во, гад, куда метну-ул! – растерянно проговорил Денис Иванович и страдательно поглядел на меня. – То же культ был, отрёбник ты чертов! – крикнул он во тьму и поднялся на ноги. Было томительно тихо. Потом не скоро в при-

брежной осоке, на мелкоте, звучно и грузно плеснулась большая рыба, и лунная оранжевая тропа на озере заколыхалась и сморщилась. Мы некоторое время подождали чего-то, потом Денис Иванович пошел к машине, и я услышал, как там что-то сдвоенно стукнулось о землю и покатилося к озеру – брюкву выбросил. Тогда я остатками выкипевшей, обаландившейся ухи загасил костер. Мне ничего не хотелось – ни есть, ни пить, ни спать, ни бодрствовать.

– Сейчас, наверно, у нас на Урале мед качают, – не в связь с событиями этой нашей ночи сказал вдруг Денис Иванович.

Я промолчал.

– Говорю, мед у нас качают сейчас! – уже с явным раздражением проговорил он.

– Ну и пусть качают, – сказал я.

– Пусть, пусть! Давай лучше помоги сиденья в машине раздвинуть. Спать будем, нечего тут!..

Мы улеглись, стараясь не задевать друг друга, но телу сразу же стало неудобно, ломотно и беспокойно: сквозь марлевые окна накидки в машину проникали жалящие запевы комаров, и от них все время приходилось отмахиваться впустую, а потом, уже на закате месяца, с противоположного конца озера, с какого-то, видать, голого там пригорка, к нам трепетно пробился продолговатый и узенький косячок света приземленного пламени. В ночном костре, если смотреть на него издали, всегда чувствуется что-то тревожное и неприкаянное, и почему-то хочется тогда знать, кто его жжет, что на нем варит и о чем думает. Мне казалось, что Денис Иванович давно спит, но он спросил, есть ли у меня, черт возьми, закурить или нету, и полез из машины. Вернулся он часа через полтора, когда на востоке уже рдело небо и над озером всходили и текли на берег клочья парного тумана. Я сидел на подножке машины и курил.

– Расстрел дали, – издали сообщил он мне.

Я ждал.

– Потом заменили четвертаком. Шестнадцать отбыл... Это все-таки не шестнадцать месяцев, правда?

– Конечно, – сказал я.

– Не спит... Уставился в огонь, как сыч, и сидит. Ему есть о чем подумать, – сказал я.

– А мне не о чем, что ли? Я ее, Вязьму, двадцать шесть лет трижды на неделе во сне вижу!

– Давай поспим, – сказал я. – Мне она тоже снится.

– Снится, снится! Вот она, наша славянская душа! Не можем до конца сохранить ненависть к преступнику и насильнику над собой, не можем!

– Не ворчи, философ вяземский! – сказал я.

– Философ, философ!.. Ну, спокойной ночи. Тебе там не поддувает в окно?

– Нет, – сказал я. – А тебе?

– Тоже нет, – сказал он.

Утром, уже при палящем солнце, мы настигли его на шестом или седьмом километре от озера. Он брел со своим мешком посередине дороги, и Денис Иванович не стал сигналить и объехал его с левой стороны по засеvu желтого люпина. На подъезде к шоссе мне запоздало подумалось, что хорошо было бы привезти люпиновый букет домой прямо с обросевшими на нем шмелями, и в ту же секунду Денис Иванович резко затормозил и остановился.

– Слушай, – просяще сказал он, – а ну его к черту, пускай садится, а? А то плетется, как мы тогда!..

– Он глядел на меня сердито и ожидающе. Я закурил и промолчал. В зеркале мне виднелась недвижно повисшая сзади нас над дорогой густая оранжевая пыль...

1967

2 ТУР

Задания по теории, истории литературы и культуре; литературно-творческая работа

1. Определите, из каких произведений взяты следующие отрывки (необходимо назвать автора и произведение).

А) «Он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и вдали извивалась между холмами; на одном из них над густою зеленью рощи возвышалась зеленая кровля и бельведер огромного каменного дома, на другом пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревянные избы с их огородами и колодезьями».

Б) «Деревня показалась ему довольно велика; два леса, березовый и сосновый, как два крыла, одно темнее, другое светлее, были у ней справа и слева; посреди виднелся деревянный дом с мезонином, красной крышей и темными или, лучше, дикими стенами, – дом вроде тех, как у нас строят для военных поселений и немецких колонистов. Было заметно, что при постройке его зодчий беспрестанно боролся со вкусом хозяина. <... > Двор окружен был крепкою и непомерно толстою деревянною решеткою».

В) «Двенадцать лет не видел он своей родины. Березки, которые при нем только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими ветвистыми деревьями. Двор, некогда украшенный тремя правильными цветниками, меж коими шла широкая дорога, тщательно выметаемая, обращен был в некошенный луг, на котором паслась опутанная лошадь».

Г) «Дом Бориса Петровича стоял на берегу Суры, на высокой горе, кончающейся к реке обрывом глинистого цвета; кругом двора и вдоль по берегу построены избы дымные, черные, наклоненные, вытягивающиеся в две линии по краям дороги, как нищие, кланяющиеся прохожим; по ту сторону реки видны в отдалении березовые рощи и еще далее лесистые холмы с чернеющими елями, налево низкий берег, усыпанный кустарниками, тянется гладкой покатостью – и далеко, далеко синеют холмы, как волны».

2. Соотнесите фамилии русских писателей и род их деятельности, не связанной литературным творчеством.

М. Е. Салтыков-Щедрин	егермейстер императорского Двора
Ф. И. Тютчев	старший чиновник особых поручений
Ф. М. Достоевский	дипломат
А. К. Толстой	педагог
Л. Н. Толстой	военный инженер

3. Дайте историко-литературный комментарий следующему стихотворению.

А. С. Пушкин

КИНЖАЛ

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды.
Где Зевса гром молчит, где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и надежд,
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.
Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И, озираясь, он трепещет,
Среди своих пиров.
Везде его найдет удар нежданный твой:
На суше, на морях, во храме, под шатрами,
За потаёнными замками,
На ложе сна, в семье родной.
Шумит под Кесарем заветный Рубикон,
Державный Рим упал, главой поник закон;
Но Брут восстал вольнолюбивый,
Ты Кесаря сразил – и. мёртв, объмлет он
Помпея мрамор горделивый.
Исчадьё мятежей подьёмлет злобный крик:
Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом вольности безглавой
Палач уродливый возник.
Апостол гибели, усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал,
Но вышний суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду.
О юный праведник, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казненном прахе.
В твоей Германии ты вечной тенью стал,
Грозь бедой преступной силе –
И на торжественной могиле
Горит без надписи кинжал.
1821

4. Напишите литературоведческую статью для справочного интернет-ресурса (например, Википедии). Помимо текста, предложите варианты необходимого визуального сопровождения.

Реминисценция.

11-й КЛАСС

1 ТУР

Комплексный анализ художественного текста

Л. Н. Андреев

ГОСТИНЕЦ

– Так ты приходи! – в третий раз попросил Сениста, и в третий раз Сазонка торопливо ответил:

– Приду, приду, ты не бойся. Еще бы не прийти, конечно прииду.

И снова они замолчали. Сениста лежал на спине, до подбородка укрытый серым больничным одеялом, и упорно смотрел на Сазонку; ему хотелось чтобы Сазонка подольше не уходил из больницы и чтобы своим ответным взглядом он еще раз подтвердил обещание не оставлять его в жертву одиночеству, болезни и страху. Сазонке же хотелось уйти, но он не знал, как это сделать без обиды для мальчика, шмурыгал носом, почти сползал со стула и опять садился плотно и решительно, как будто навсегда. Он бы еще посидел, если бы было о чем говорить; но говорить было не о чем, и мысли приходили глупые, от которых становилось смешно и стыдно. Так, его все время тянуло называть Сенисту по имени и отчеству - Семеном Ерофеевичем, что было отчаянно нелепо: Сениста был мальчишка-подмастерье, а Сазонка был солидным мастером и пьяницей и Сазонкой звался только по привычке. И еще двух недель не прошло с тех пор, как он дал Сенисте последний подзатыльник, и это было очень дурно, но и об этом говорить тоже нельзя.

Сазонка решительно начал сползать со стула, но, не доведя дело до половины, так же решительно всполз назад и сказал не то в виде укоризны, не то утешения:

– Такие вот дела. Болит, а?

Сениста утвердительно качнул головой и тихо ответил:

Ну, ступай. А то он бранить будет.

– Это верно, – обрадовался Сазонка предлогу. – Он и то приказывал: ты, говорит, поскорее. Отвезешь - и той же минутой назад. И чтобы водки ни-ни. Вот, черт!

Но вместе с сознанием, что он может теперь уйти каждую минуту, в сердце Сазонки вошла острая жалость к большеголовому Сенисте. К жалости призывала вся необычная обстановка: тесный ряд кроватей с бледными, хмурыми людьми; воздух, до последней частицы испорченный запахом лекарств и испарениями больного человеческого тела; чувство собственной силы и здоровья. И, уже не избегая просительного взгляда, Сазонка наклонился к Сенисте и твердо повторил:

– Ты, Семен... Сеня, не бойся. Приду. Как ослобонюсь, так и к тебе. Разве мы не люди? Господи! Тоже и у нас понятие есть. Милый! Веришь мне аль нет?

И с улыбкой на почерневших, запекшихся губах Сениста отвечал:

– Верю.

– Вот! – торжествовал Сазонка.

Теперь ему было легко и приятно, и он мог уже поговорить о подзатыльнике, случайно данном две недели назад. И он осторожно намекнул, касаясь пальцем Сенина плеча:

– А ежели тебя по голове кто бил, так разве это со зла? Господи! Голова у тебя очень такая удобная: большая да стриженная.

Сениста опять улыбнулся, и Сазонка поднялся со стула. Ростом он был очень высок, волосы его, все в мелких кудряшках, расчесанные частой гребен-

кой, подымались пышно и веселой шапкой, и серые припухшие глаза искрились и безотчетно улыбались.

– Ну, прощевай! – сказал он, но не тронулся с места.

Он нарочно сказал «прощевай!», а не «прощай!», потому что так выходило душевнее, но теперь ему показалось этого мало. Нужно было сделать что-то еще более душевное и хорошее, такое, после которого Сенисте весело было бы лежать в больнице, а ему легко было бы уйти. И он неловко топтался на месте, смешной в своем детском смущении, когда Сениста опять вывел его из затруднения.

– Прощай! – сказал он своим детским тоненьким голоском, за который его дразнили «гуслями», и совсем просто, как взрослый, высвободил руку из-под одеяла и, как равный протянул ее Сазонке.

И Сазонка, чувствуя, что это именно то, чего не хватало ему для полного спокойствия, почтительно охватил тонкие пальчики своей здоровенной лапшей, подержал их и со вздохом отпустил. Было что-то печальное и загадочное в прикосновении тонких горячих пальчиков: как будто Сениста был не только равным всем людям на свете, но и выше всех и всех свободнее, и происходило это оттого, что принадлежал он теперь неведомому, но грозному и могучему хозяину. Теперь его можно было назвать Семеном Ерофеевичем.

– Так приходи же, – в четвертый раз попросил Сениста, и эта просьба прогнала то страшное и величавое, что на миг осенило его своими бесшумными крыльями.

Он снова стал мальчиком, больным и страдающим, и снова стало жаль его – очень жаль.

Когда Сазонка вышел из больницы, за ним долго еще гнался запах лекарств и просящий голос:

– Приходи же!

И, разводя руками, Сазонка отвечал:

– Милый! Да разве мы не люди?

II

Подходила пасха и портновской работы было так много, что только один раз в воскресенье Сазонке удалось напиться, да и то не допьяна. Целые дни, по-весеннему светлые и длинные, от петухов до петухов, он сидел на подмостках у своего окна, по турецки поджав под себя ноги, жмурясь и неодобрительно посвистывая. С утра окно находилось в тени, и в разошедшиеся пазы тянуло холодком, но к полудню солнце прорезывало узенькую желтую полоску, в которой светящимися точками играла приподнятая пыль. А через полчаса уже весь подоконник с набросанными на него обрезками материй и ножницами горел ослепительным светом, и становилось так жарко, что нужно было, как летом, распахнуть окно. И вместе с волной свежего, крепкого воздуха, пропитанного запахом преющего навоза, подсыхающей грязи и распускающихся почек, в окно влетала шальная еще слабосильная муха и пронесился разноголосый шум улицы. Внизу у завалинки рылись куры и блаженно кудахтали, нежась в круглых ямках: на противоположной, уже просохшей стороне играли в бабки ребята, и их пестрый, звонкий крик и удары чугунных плит о костяшки звучал и задором и свежестью. Езды по улице, находящейся на окраине Орла, было совсем мало, и только изредка шажком проезжал пригородный мужик; телега подпрыгивала в глубоких колеях, еще полных жидкой грязи, и все части ее стучали деревянным стуком, напоминающим лето и простор полей.

Когда у Сазонки начинало ломить поясницу и одеревеневшие пальцы не держали иглы, он босиком и без подпояски, как был, выскакивал на улицу, гигантскими скачками перелетал лужи и присоединялся к играющим ребятам.

Ну-ка, дай ударить, – просил он, и десяток грязных рук протягивали ему плиты, и десяток голосов просили:

– За меня! Сазонка, за меня!

Сазонка выбирал плиту поувесистее, засучивал рукав и, приняв позу атлета, мечущего диск, измерял прищуренным глазом расстояние. С легким свистом плита вырывалась из его руки и, волнообразно подсакивая, скольльзящим ударом врывалась в середину длинного кона, и пестрым дождем рассыпались бабки, и таким же пестрым криком отвечали на удар ребята. После нескольких ударов Сазонка отдыхал и говорил ребятам:

– А Сениста-то еще в больнице, ребята.

Но, занятые своим интересным делом, ребята принимали известие холодно и равнодушно.

– Надобно ему гостинца отнести. Вот уж отнесу, – продолжал Сазонка.

На слово «гостинец» отозвались многие. Мишка Поросенок подергивал одной рукой штанишки – другая держала в подоле рубахи бабки – и серьезно советовал:

– Ты ему гривенник дай.

Гривенник была та сумма, которую обещал дед самому Мишке, и выше ее не шло его представление о человеческом счастье. Но долго разговаривать о гостинце не было времени, и такими же гигантскими прыжками Сазонка перебирался к себе и опять садился за работу. Глаза его припухли, лицо стало бледно-желтым, как у больного, и веснушки глаз и на носу казались особенно частыми и темными. Только тщательно расчесанные волосы подымались все той же веселой шапкой, и, когда хозяин, Гавриил Иванович, смотрел на них, ему непременно представлялся уютный красный кабачок и водка, и он ожесточенно сплевывал и ругался.

В голове Сазонки было смутно и тяжело, и по целым часам он неуклюже ворочал какую-нибудь одну мысль: о новых сапогах или гармонике. Но чаще всего он думал о Сенисте и о гостинце, который он ему отнесет. Машинка монотонно и усыпляюще стучала, покрикивал хозяин – и все одна и та же картина представлялась усталому мозгу Сазонки: как он приходит к Сенисте и подает ему гостинец, завернутый в ситцевый каемчатый платок. Часто в тяжелой дреме он забывал, что такой Сениста, и не мог вспомнить его лица; но каемчатый платок, который еще нужно купить, представлялся живо и ясно, и даже казалось, что узелки на нем не совсем крепко завязаны. И всем, хозяину, хозяйке, заказчикам и ребятам, Сазонка говорил, что пойдет к мальчику непременно на первый день пасхи.

– Уж так нужно, – твердил он. – Причешусь, и той же минутой к нему. На, милый, получай!

Но, говоря это, он видел другую картину: распахнутые двери красного кабачка и в темной глубине их залитую сивухой стойку. И его охватывало горькое сознание своей слабости, с которой он не может бороться, и хотелось кричать громко и настойчиво: «К Сенисте пойду! К Сенисте!»

А голову наполняла серая, колеблющаяся муть, и только каемчатый платок выделялся из нее. Но не радость была в нем, а суровый укор и грозное предостережение.

III

И на первый день пасхи и на второй Сазонка был пьян, дрался, был избит и ночевал в участке. И только на четвертый день удалось ему выбраться к Сенисте.

Улица, залитая солнечным светом, пестрела яркими пятнами кумачовых рубах и веселым оскалом белых зубов, грызущих подсолнухи; играли вразброд гармонки, стучали чугунные плиты о костяшки, и голосисто орал петух, вызывая на бой соседского петуха. Но Сазонка не глядел по сторонам. Лицо его, с подбитым глазом и рассеченной губой, было мрачно и сосредоточено, и даже волосы не вздымались пышной гривой, а как-то растерянно торчали отдельными космами.

Было совестно за пьянство и неисполненное слово, было жаль, что представится он Сенисте не во всей красе, — в красной шерстяной рубаше и жилетке, а пропившийся, паскудный, воняющий перегоревшей водкой. Но чем ближе подходил он к больнице, тем легче ему становилось, и глаза чаще опускались вниз, направо, где бережно висел в руке узелок с гостинцем. И лицо Сенисты виделось теперь совсем живо и ясно, с запекшимися губами и просящим взглядом.

— Милый, да разве? Ах, господи! — говорил Сазонка и крупно надбавлял шаг.

Вот и больница - желтое, громадное здание, с черными рамами окон, отчего окна походили на темные угрюмые глаза. Вот и длинный коридор, и запах лекарств, и неопределенное чувство жути и тоски. Вот и палата и постель Сенисты...

Но где же сам Сениста?

— Вам кого? — спросила вошедшая следом сиделка.

— Мальчик тут один лежал. Семен. Семен Ерофеев. Вот на этом месте. — Сазонка указал пальцем на пустую постель.

— Так нужно до прежде спрашивать, а то ломится зря, — грубо сказала сиделка. — И не Семен Ерофеев, а Семен Пустошкин.

— Ерофеев-это по отчеству. Родителя звали Ерофеем, так вот он и выходит Ерофеич, — объяснил Сазонка, медленно и страшно бледнея.

— Помер ваш Ерофеич. А только мы этого не знаем: по отчеству. По нашему — Семен Пустошкин. Помер, говорю.

— Вот как-с! — благопристойно удивился Сазонка, бледный настолько, что веснушки выступили резко, как чернильные брызги. — Когда же-с?

— Вчера после вечерен.

— А мне можно!.. — запинаясь, попросил Сазонка.

— Отчего нельзя? — равнодушно ответила сиделка. — Спросите, где мертвецкая, вам покажут. Да вы не убивайтесь! Кволий он был, не жилей.

Язык Сазонки расспрашивал дорогу вежливо и обстоятельно, ноги твердо несли его в указанном направлении, но глаза ничего не видели. И видеть они стали только тогда, когда неподвижно и прямо они уставились в мертвое тело Сенисты. Тогда же ощутился и страшный холод, стоявший в мертвецкой, и все кругом стало видно: покрытые сырыми пятнами стены, окно, занесенное паутиной; как бы ни светило солнце, небо через это окно всегда казалось серым и холодным, как осенью. Где-то с перерывами беспокойно жужжала муха; падали откуда-то капельки воды; упадет одна - кап! - и долго после того в воздухе носится жалобный, звенящий звук.

Сазонка отступил на шаг назад и громко сказал:

— Прощевай, Семен Ерофеич.

Затем опустился на колени, коснулся лбом сырого пола и поднялся.

— Прости меня, Семен Ерофеич, - так же отдельно и громко выговорил он, и снова упал на колени, и долго прижимался лбом, пока не стала затекать голова.

Муха перестала жужжать, и было тихо, как бывает только там, где лежит мертвец. И через равные промежутки падали в жестяной таз капельки, падали и плакали — тихо, нежно.

IV

Тотчас за больницей город кончался и начиналось поле, и Сазонка побрел в поле. Ровное, не нарушаемое ни деревом, ни строением, оно привольно раскидывалось вширь, и самый ветерок казался его свободным и теплым дыханием. Сазонка сперва шел по просохшей дороге, потом свернул влево и напрямик по пару и прошлогоднему жнитву направился к реке. Местами земля была еще сыровата, и там после его прохода оставались следы его ног с темными углублениями каблуков.

На берегу Сазонка улегся в небольшой, покрытой травой ложбинке, где воздух был неподвижен и тепел, как в парине, и закрыл глаза. Солнечные лучи проходили сквозь закрытые веки теплой и красной волной; высоко в воздушной синеве звенел жаворонок, и было приятно дышать и не думать. Полая вода уже сошла, и речка струилась узеньким ручейком, далеко на противоположном низком берегу оставив следы своего буйства, огромные, ноздреватые льдины. Пни кучками лежали друг на друге и белыми треугольниками подымились вверх навстречу огненным беспощадным лучам, которые шаг за шагом точили и сверлили их. В полудремоте Сазонка откинул руку – под неё попало что-то твердое, обернутое материей.

Гостинец.

Быстро приподнявшись Сазонка вскрикнул:

– Господи! Да что же это?

Он совершенно забыл про узелок и испуганными глазами смотрел на него: ему чудилось, что узелок сам своей волей пришел сюда и лег рядом, и страшно было до него дотронуться. Сазонка глядел - глядел - глядел не отрываясь, – и бурная, клокочущая жалость и неистовый гнев подымались в нем. Он глядел на каемчатый платок - и видел, как на первый день, и на второй, и на третий Сениста ждал его и оборачивался к двери, а он не приходил. Умер одинокий, забытый - как щенок, выброшенный в помойку. Только бы за день раньше – и потухающими глазами он увидел бы гостинец, и возрадовался бы детским своим сердцем, и без боли, без ужасающей тоски одиночества полетела бы его душа к высокому небу.

Сазонка плакал, впиваясь руками в свои пышные волосы и катаясь по земле. Плакал и, подымая руки к небу жалко оправдывался:

– Господи! Да разве мы не люди?

И прямо рассеченной губой он упал на землю - и затих в порыве немого горя. Лицо его мягко и нежно щекотала молодая трава; густой, успокаивающий запах подымался от сырой земли, и была в ней могучая сила и страстный призыв к жизни. Как вековая мать, земля принимала в свои объятия грешного сына и теплом, любовью и надеждой поила его страдающее сердце.

А далеко в городе нестройно гудели веселые праздничные колокола.

1901

2 ТУР

Задания по теории, истории литературы и культуре; литературно-творческая работа

1. Определите, из каких произведений взяты следующие отрывки (необходимо назвать автора и произведение).

А) Многим деньги достаются легко, да немногие легко с ними расстаются... Работа? Сделай так, чтобы работа была бы мне приятна – я, может быть, буду работать... да! Может быть! Когда труд – удовольствие, жизнь – хороша! Когда труд – обязанность, жизнь – рабство!

Б) Он шел скоро и твердо, и хоть чувствовал, что весь изломан, но сознание было при нем. Боялся он погони, боялся, что через полчаса, через четверть часа уже выйдет, пожалуй, инструкция следить за ним; стало быть, во что бы то ни стало надо было до времени схоронить концы. Надо было управиться, пока еще осталось хоть какое-нибудь рассуждение ... Куда же идти?

Это было уже давно решено: «Бросить все в канаву, и концы в воду, и дело с концом».

В) Вдруг далеко, в самой чаще, раздался лай Рябчика – характерный лай собаки, идущей за зверем: тоненький, залихватый и нервный, почти переходящий в визг. Тотчас же услышал я голос Ермолы, кричавшего с ожесточением вслед собаке: «У–бый! У–бый!», первый слог – протяжным резким фальцетом, а второй – отрывистой басовой нотой (я только много времени спустя дознался, что этот охотничий полесский крик происходит от глагола «убивать».

Г) Он был довольно щедр в пути и потому вполне верил в заботливость всех тех, что кормили и поили его, с утра до вечера служили ему, предупреждая его малейшее желание, охраняли его чистоту и покой, таскали его вещи, звали для него носильщиков, доставляли его сундуки в гостиницы. Так было всюду, так было в плаваньи, так должно было быть и в Неаполе. А когда «Анлантида» вошла наконец в гавань, привалила к набережной своей многоэтажной громадой, усеянной людьми, и загрохотали сходни, – сколько портье и их помощников в картузах с золотыми галунами <...> кинулись к нему навстречу с предложением услуг!

2. Соотнесите фамилии русских писателей и род их деятельности, не связанной литературным творчеством

М. А. Булгаков	инженер
А. П. Платонов	врач
Е. И. Замятин	офицер военной разведки
И. И. Куприн	цирковой борец
Н. С. Гумилев	мелиоратор

3. Дайте историко-литературный комментарий следующему стихотворению.

В. Я. Брюсов

СОВЕТСКАЯ МОСКВА

Все ж, наклоняясь над пропастью,
В века заглянув, ты, учитель,
Не замрешь ли с возвышенной робостью,
И сердце не полней застучит ли?

Столетия слепят Фермопилами,
Зеркалами жгут Архимеда,
Восстают, хохоча, над стропилами
Notre-Dame безымянной химерой;

То чернеют ужасом Дантовым,
То Ариэлевой дрожат паутиной,
То стоят столбом адамантовым,
Где в огне Революции – гильотина.

Но глаза отвори: не заметишь ли
Тебе – тот же блеск, здесь и ныне?
Века свой бег не замедлили,
Над светом светов иные.

Есть люди в бессменном плаваньи,
Им нужен маяк на мачте!
Москва вторично в пламени. –
Свет от англичан до команчей!

13 ноября 1921

4. Напишите литературоведческую статью для справочного интернет-ресурса (например, Википедии). Помимо текста, предложите варианты необходимого визуального сопровождения.

Художественное время.

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ И КЛЮЧИ К ЗАДАНИЯМ

7-й КЛАСС

1 ТУР

Критерии оценки

Комплексный анализ художественного текста

При оценке работы учитываются следующие критерии

№	Критерии	Баллы
1	Глубина постижения произведения (тематики и проблематики, жанра, сюжета, героя, композиции, стиля, направления, художественной идеи, образа повествователя)	20
2	Знание фактического материала из истории и теории литературы и умение использовать его при анализе текста	10
3	Умение определять авторскую позицию, а также выражать свои мысли и чувства	10
4	Композиционная стройность, язык и стиль работы участника Олимпиады (логичность, ясность изложения, речевая грамотность)	10
	<i>Максимальная оценка</i>	<i>50</i>

У В. Н. Крупина есть своё неповторимое слово о красоте, вызывающее у читателя озарение и прозрение, обогащающее и преображающее его духовный мир. Автору удаётся показать путь к духовному, путь из быта – в бытие. («Мешок» дневных забот и тягот, лежащий на плечах человека, прижимает его к земле, лишает чувства полёта).

Повествование идет от лица героини, рассказывающей историю о своей жизни. Она вспоминает свою юность, говорит о сегодняшнем дне: у неё есть дочка и внучка. В миниатюре нет портретов героев в традиционном смысле, но в сознании читателей создаются зримые образы. Варя – очень красивый человек. Она верно говорит, что если человек не видит красоты, то он «слепой». Красота природы преображает не только внешний, но и внутренний мир человека.

Жизнь часто тяготит нас будничным однообразием, а вот отец Вари чувствует красоту: он видит в солнце «коня чудесного, в радугу запряженного», и этим открытием делится с дочерью, а она – со своей дочерью. «Мешок» – это символ суетных забот, наполняющих нашу жизнь. Не каждый способен сбросить его. Здесь-то и происходит прозрение героини. Красоту надо хранить в душе, а истинную любовь к красоте передавать из поколения в поколение.

Участник олимпиады может так прокомментировать название рассказа: миниатюра имеет заглавие в форме повелительного наклонения глагола, так как сказано о сокровенном (вспомним стихотворение в прозе И.С. Тургенева «Стой!»). Сбрось мешок! – то есть поднимись над обыденностью, взгляни на мир по-новому, обрати взор к небу – к вечному. Забудь о суетном, минутном. И тогда ты распрямись и почувствуешь себя свободным и счастливым человеком.

2 ТУР

Ключи к заданиям

1. А) Баллада. В. А. Жуковский. «Светлана».
- Б) Повесть. Н. В. Гоголь. «Ночь перед Рождеством».
- В) Рассказ. А. П. Чехов. «Хамелеон».
- Г) Былина. «Илья Муромец и Соловей-разбойник».
- Д) Басня. И. А. Крылов. «Демьянова уха».

Максимальное количество – 15 баллов (3 балла за каждый правильный ответ).

2. А) Дефорж (Дубровский. «Дубровский». А. С. Пушкин)
 Б) Соперник купца Калашникова (Кирибеевич. «Песня про царя Ивана Васильевича...». М. Ю. Лермонтов)
 В) Два кавказских пленника (Жилин и Костылин. «Кавказский пленник». Л. Н. Толстой)
 Г) Герой по прозвищу Хамелеон. (Очумелов. «Хамелеон». А. П. Чехов)
 Д) Барышня-крестьянка (Лиза Муромская. «Барышня-крестьянка». А. С. Пушкин)
 Е) Человек на часах (Постников. «Человек на часах». Н. С. Лесков)
 Ж) Бирюк (Фома. «Бирюк». И. С. Тургенев).

Максимальное количество – 14 баллов (2 балла за каждый правильный ответ: 1 балл – за имя героя, 0,5 балла – за название произведения, 0,5 балла – за автора произведения).

3. БАСНЯ – короткий нравоучительный рассказ в стихах или прозе с четко сформулированной моралью, сатирический по направленности и имеющий иносказательный смысл. Цель басни – осмеяние человеческих пороков, недостатков общественной жизни. Персонажами басни часто выступают животные, растения и предметы. В басне активно используются олицетворения, аллегории и образный параллелизм. Относится к малым повествовательным (эпическим) жанрам. Возникновение басни связывают с именем легендарного древнегреческого баснописца Эзопа.

Источник: Словарь литературоведческих терминов на сайте Культура письменной речи www.Gramma.ru URL: <http://www.gramma.ru>.

Точность цитирования – дословно.

Максимальное количество – 10 баллов (5 баллов за определение, 5 баллов – за примеры).

5. Творческая работа. Максимально возможный балл – 20 баллов.

Критерии оценивания творческой работы

№	Критерии	Баллы
1	Глубина и самостоятельность понимания проблемы, предложенной в задании	5
2	Обоснованность привлечения литературного материала	4
3	Последовательность и логичность изложения	3
4	Умение делать выводы и обобщения	3
5	Правильный литературный язык, стилистически соответствующий содержанию	2
6	Следование нормам речи:	3
А)	- допущена 1 речевая ошибка	2,5
Б)	- допущены 2 речевые ошибки	2
В)	- допущены 3 речевые ошибки	1,5
Г)	- допущено 4 и более речевых ошибок	0
	<i>Максимальная оценка</i>	<i>20</i>

Максимальное количество баллов в 7-м классе – 109.

8-й КЛАСС

1 ТУР

Критерии оценки

Комплексный анализ художественного текста

При оценке работы учитываются следующие критерии

№	Критерии	Баллы
1	Глубина постижения произведения (тематики и проблематики, жанра, сюжета, героя, композиции, стиля, направления, художественной идеи, образа повествователя)	20
2	Знание фактического материала из истории и теории литературы и умение использовать его при анализе текста	10
3	Умение определять авторскую позицию, а также выражать свои мысли и чувства	10
4	Композиционная стройность, язык и стиль работы участника Олимпиады (логичность, ясность изложения, речевая грамотность)	10
	<i>Максимальная оценка</i>	<i>50</i>

2 ТУР

Ключи к заданиям

1. А) А. Н. Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву».

Б) А. С. Пушкин «Капитанская дочка».

В) И. С. Тургенев «Ася».

Г) Н. В. Гоголь «Тарас Бульба»

Максимальное количество – 8 баллов (2 балла за каждый правильный ответ).

2. А) Л. Н. Толстой.

Б) И. С. Тургенев.

В) Н. В. Гоголь.

Г) М. Ю. Лермонтов.

Д) А. С. Пушкин.

Максимальное количество – 5 баллов (1 балл за каждый правильный ответ).

3. А) Ямб.

Б) Хорей.

В) Хорей.

Максимальное количество – 6 баллов (2 балла за каждый правильный ответ).

4. Гипербола – от греч. преувеличение) – чрезмерное преувеличение тех или иных свойств изображаемого предмета или явления. Средствами гиперболы автор усиливает нужное впечатление или подчеркивает, что он прославляет, а что высмеивает. Гипербола встречается в древних эпосах у разных народов, в частности в русских былинах. В русской литературе гиперболу использовали в своих произведениях Н. В. Гоголь («Шинель»), М. Е. Салтыков-Щедрин («Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», В.В. Маяковский «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче». (Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев «Словарь литературоведческих терминов», М.: Просвещение, 1974).

Максимальное количество 6 баллов.

5. Творческая работа. Максимально возможный балл – 20 баллов.

Критерии оценивания творческой работы

№	Критерии	Баллы
1	Глубина и самостоятельность понимания проблемы, предложенной в задании	5
2	Обоснованность привлечения литературного материала	4
3	Последовательность и логичность изложения	3
4	Умение делать выводы и обобщения	3
5	Правильный литературный язык, стилистически соответствующий содержанию	2
6	Следование нормам речи:	3
А)	- допущена 1 речевая ошибка	2,5
Б)	- допущены 2 речевые ошибки	2
В)	- допущены 3 речевые ошибки	1,5
Г)	-допущено 4 и более речевых ошибок	0
	<i>Максимальная оценка</i>	<i>20</i>

Максимальное количество баллов в 8-м классе – 95.

9-й КЛАСС

1 ТУР

Критерии оценки

Комплексный анализ художественного текста

При оценке работы учитываются следующие критерии

№	Критерии	Баллы
1	Глубина постижения произведения (тематики и проблематики, жанра, сюжета, героя, композиции, стиля, направления, художественной идеи, образа повествователя)	20
2	Знание фактического материала из истории и теории литературы и умение использовать его при анализе текста	10
3	Умение определять авторскую позицию, а также выражать свои мысли и чувства	10
4	Композиционная стройность, язык и стиль работы участника Олимпиады (логичность, ясность изложения, речевая грамотность)	10
<i>Максимальная оценка</i>		<i>50</i>

2 ТУР

Ключи к заданиям

1. А) А. С. Пушкин «Капитанская дочка». Б) А. С. Пушкин «Барышня-крестьянка»
В) И. С. Тургенев «Бирюк». Г) Л. Н. Толстой «Детство».

Максимальное количество – 8 баллов (2 балла за каждый правильный ответ).

2. И. А. Крылов – библиотекарь. А. С. Грибоедов – дипломат.

Г. А. Державин – губернатор.

В. А. Жуковский – педагог.

П. А. Вяземский – цензор.

Максимальное количество – 5 баллов (1 балл за каждый правильный ответ).

3. Критерии историко-литературного комментария. *Максимальное количество баллов – 14.*

Критерии оценивания историко-литературного комментария

№	Критерии	Баллы
1	Время написания произведения	2
2	Описание исторического события, которое легло в основу произведения	2
3	Лексический комментарий	3
4	Логика построения сочинения	2
5	Стиль работы, культура оформления:	3
	- речевая грамотность;	1
	- орфографическая грамотность;	1
	- пунктуационная грамотность;	1
6	Оригинальность работы	2
<i>Максимальная оценка</i>		<i>14</i>

4. Художественный образ – форма отражения действительности искусством, конкретная и вместе с тем обобщенная картина человеческой жизни, преображаемой в свете эстетики художника, созданная при помощи творческой фантазии. Художественный образ – одно из средств познания и изменения мира. Художественный образ – это способ исследования жизни. Великими художественными образами являются образы Наташи Ростовской, Родиона Раскольникова. Григория Мелехова. (Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев «Словарь литературоведческих терминов», М.: Просвещение, 1974).

Максимальное количество – 10 баллов.

Максимальное количество баллов в 9-м классе – 87.

10-й КЛАСС

1 ТУР

Критерии оценки

Комплексный анализ художественного текста

При оценке работы учитываются следующие критерии

№	Критерии	Баллы
1	Глубина постижения произведения (тематики и проблематики, жанра, сюжета, героя, композиции, стиля, направления, художественной идеи, образа повествователя)	20
2	Знание фактического материала из истории и теории литературы и умение использовать его при анализе текста	10
3	Умение определять авторскую позицию, а также выражать свои мысли и чувства	10
4	Композиционная стройность, язык и стиль работы участника Олимпиады (логичность, ясность изложения, речевая грамотность)	10
Максимальная оценка		50

2 ТУР

Ключи к заданиям

1. А) А. С. Пушкин «Дубровский». Б) Н. В. Гоголь «Мертвые души».

В) А. С. Пушкин «Дубровский». Г) М. Ю. Лермонтов «Вадим».

Максимальное количество – 8 баллов (2 балла за каждый правильный ответ).

2. М. Е. Салтыков-Щедрин – старший чиновник особых поручений.

Ф. И. Тютчев – дипломат. Ф. М. Достоевский – военный инженер. А. К. Толстой – егермейстер императорского Двора. Л. Н. Толстой – педагог.

Максимальное количество – 5 баллов (1 балл за каждый правильный ответ).

3. Критерии историко-литературного комментария. *Максимальное количество баллов – 14.*

Критерии оценивания историко-литературного комментария

№	Критерии	Баллы
1	Время написания произведения	2
2	Описание исторического события, которое легло в основу произведения	2
3	Лексический комментарий	3
4	Логика построения сочинения	2
5	Стиль работы, культура оформления:	3
	- речевая грамотность;	1
	- орфографическая грамотность;	1
	- пунктуационная грамотность;	1
6	Оригинальность работы	2
Максимальная оценка		14

4. Реминисценция – (от лат. воспоминание) не буквальное воспроизведение, невольное или намеренное, чужих структур, слов, фактов культурной жизни, которое наводит на воспоминания о другом произведении (подобными отзвуками, отголосками, например, богаты пушкинская проза, романы Ф.М. Достоевского).

1) Город пышный, город бедный! (А. С. Пушкин)

Остров пышный, остров чудный. (А. С. Хомяков)

2) Я пережил и многое и многих. (П. А. Вяземский)

Я изменил и многому и многим. (В. Я. Брюсов)

В этом случае у читателя возникают ассоциации, которые и обогащают авторский текст смыслами текста-источника. (Введение в литературоведение. Учебник. – Под редакцией Л.В. Чернец. – М.: Академия, 2010).

Максимальное количество – 10 баллов

Максимальное количество баллов в 11-м классе – 87.

11-й КЛАСС

1 ТУР

Критерии оценки

Комплексный анализ художественного текста

При оценке работы учитываются следующие критерии

№	Критерии	Баллы
1	Глубина постижения произведения (тематики и проблематики, жанра, сюжета, героя, композиции, стиля, направления, художественной идеи, образа повествователя)	20
2	Знание фактического материала из истории и теории литературы и умение использовать его при анализе текста	10
3	Умение определять авторскую позицию, а также выражать свои мысли и чувства	10
4	Композиционная стройность, язык и стиль работы участника Олимпиады (логичность, ясность изложения, речевая грамотность)	10
	<i>Максимальная оценка</i>	<i>50</i>

2 ТУР

Ключи к заданиям

1. А) А. М. Горький «На дне».

Б) Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание».

В) А. И. Куприн «Олеся».

Д) И. А. Бунин «Господин из Сан-Франциско».

Максимальное количество – 8 баллов (2 балла за каждый правильный ответ).

2. М. А. Булгаков – врач.

А. П. Платонов – мелиоратор.

Е. И. Замятин – инженер.

И. И. Куприн – цирковой борец.

Н. С. Гумилев – офицер военной разведки.

Максимальное количество – 5 баллов (1 балл за каждый правильный ответ).

3. Критерии историко-литературного комментария. *Максимальное количество баллов – 14.*

Критерии оценивания историко-литературного комментария

№	Критерии	Баллы
1	Время написания произведения	2
2	Описание исторического события, которое легло в основу произведения	2
3	Лексический комментарий	3
4	Логика построения сочинения	2
5	Стиль работы, культура оформления:	3
	- речевая грамотность;	1
	- орфографическая грамотность;	1
	- пунктуационная грамотность;	1
6	Оригинальность работы	2
	<i>Максимальная оценка</i>	<i>14</i>

4. Художественное время – категория поэтики произведения, в той или иной степени условная. Время – одна из форм (наряду с пространством) бытия и мышления; изображается словом в процессе изображения характеров, ситуаций, жизненного пути героя, речи и прочее. Изображение времени – важная идейно-художественная проблема для писателя и тогда, когда время не выделено в произведении, когда его изображение так же естественно, незаметно, словно бы «неосознанно», как дыхание человека («...Вновь я посетил Тот уголок

земли, где я провел Изгнанником два года незаметных...» – А.С. Пушкин), и тогда, когда автор настойчиво напоминает о времени. («История моя будет то останавливаться, то лететь» – романы Филдинга).

Писатель иногда заставляет время длиться, растягивает его, чтобы передать определенное психологическое состояние героя (А. П. Чехов «Спать хочется»), иногда останавливает, «выключает» (философские экскурсы Л. Н. Толстого в «Войне и мире»). Важное значение для анализа произведения имеют завершенность и незавершенность художественного времени. Формы завершения художественного времени разнообразны: это и возвращение героя в отчий дом после скитаний, и достижение им определенного стабильного положения в жизни, и торжество добродетели. Форма незавершенного художественного времени – открытые финалы произведений (например, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «Вишневый сад» А. П. Чехова). Введение в литературоведение. Учебник. – Под редакцией Л. В. Чернец. – М.: Академия, 2010).

Максимальное количество – 10 баллов.

Максимальное количество баллов в 11-м классе – 87.

ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Волжина Е. Д. Школьные олимпиады. Литература. 5–11 классы. – М.: Айрис-пресс, 2007.
2. Вялкова Г. М., Чернова Т. А. Олимпиады по русскому языку и литературе: 9–11-е классы. – М.: ВАКО, 2008
3. Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. – М.: Фортунов Лимитед, 2001.
4. Зинина Е. А. Основы поэтики. Теория и практика анализа художественного текста. – М., Дрофа, 2006.
5. Кучина Т. Г. Современный отечественный литературный процесс. – М.: Дрофа. 2006.
6. Литература. Всероссийские олимпиады. Выпуск 2 / Сост. Л. В. Тодоров, А. В. Федоров. – М.: Просвещение, 2010.
7. Литература. Всероссийские олимпиады. Выпуск 3 / Сост. Л. В. Тодоров, А. В. Федоров. – М.: Просвещение, 2011.
8. Румянцева Э. М. Анализ художественного произведения в аспекте жанра / Пути анализа литературного произведения // Под ред. Б. Ф. Егорова. – М., 1981.
9. Тимофеев Л. И., Тураев С. В. Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1974.
10. Тодоров Л. В. Русское стихосложение в школьном изучении. – М.: Просвещение, 2009.
11. Томашевский Б. В. Краткий курс поэтики. – М.: КДУ, 2006.